

VIII. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ТЕКСТА И ДИСКУРСА

ДИСКУРСИВНАЯ СИНЕРГЕТИКА СТИЛЯ

Н.Ф. Алефиренко, Т.Р. Бакиева
Белгородский государственный университет

В самом названии представляемой здесь работы эксплицитно заложены две активно обсуждаемые проблемы: первая (дискурс) собственно языковедческая, вторая (синергетика) общенаучная, требующая лингвистической адаптации [1].

Третья проблема существует имплицитно. Ее суть можно выразить в вопросе: как дискурс и синергетика связаны со стилем и стилистикой? Сегодня в центре внимания исследователей находится синергетика языка. Дискурсивная же синергетика стиля остается пока в нашей науке «белым пятном». Основной причиной тому является неопределенность множественных интерпретаций самого дискурса, его многокачественная природа [2]. Поворачиваясь к исследователю той или иной своей гранью, дискурс открывает ему лишь «видимую» часть айсберга. Насколько многогранен дискурс, настолько он и многосложен в определении [3]. Открывая новые грани дискурса, мы получаем новые сведения о его свойствах, признаках и функционально-коммуникативных возможностях. Согласимся с Л.С. Пихтовниковой: «Теория дискурса еще далека от завершения и нужны новые системные идеи для адекватного отображения этого сложного феномена» [4]. Одной из таких стимулирующих научный поиск идей является попытка посмотреть на дискурс как на сложную самоорганизующуюся систему. Это, можно надеяться, откроет путь к использованию в ее исследовании основных принципов синергетики. Однако такого рода идея ставит на повестку дня еще один вопрос: насколько системным может быть дискурс? Тем более, системой сложной и саморазвивающейся? Только ответив на этот вопрос утвердительно, можно говорить о дискурсивной синергетике. Это влечет за собой необходимость выявления и исследования структурной организации дискурса, поскольку обязательным признаком любой системы является ее структура [5, 7–25; 6, 16]. Собственно, это первое требование синергетического подхода, согласно которому самоорганизующаяся система должна включать в себя как минимум две иерархически связанные подсистемы, каждая из которых моделирует не только состояние другой, но и состояние среды (в нашем случае этнокультурного пространства системно организованного дискурса). В качестве базового элемента структуры дискурсивного пространства мы берем пропозицию, которая в единстве с событийным контекстом лежит в основе смыслового содержания текста (Г.Г. Почепцов). Мы говорим о смысловом содержании текста не случайно: ранее сформулированное нами определение дискурса

не двузначно указываает на его два системообразующих компонента – текст и когнитивно-событийный контекст (ср.: [7]). Напомним: дискурс – это сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации.

Текст и когнитивно-событийный контекст как составляющие дискурса взаимно предполагают друг друга, иными словами они взаимно детерминируемы. Уже этого вполне достаточно, чтобы утверждать: дискурс – сложно организованная система (см.: [8, 307]). Сложная потому, что в составе дискурса наряду со структурными элементами текста активизируются элементы среды, в качестве которой служит когнитивно-событийный контекст. Таковыми выступают излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация, а также «не-события»: обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события. Кроме того, что такое понимание дискурса (единство двух подсистем – текста и его когнитивно-событийной среды) требует дополнительной аргументации, для нас важно выяснить, как дискурс связан со стилем (см.: [9]). Поскольку, как мы выяснили, что в состав дискурса входят две подсистемы, естественно было бы выяснять синергетические связи дискурса со стилистикой через осмысление того, как связаны со стилистикой эти подсистемы, то есть текст и когнитивно-событийный контекст.

Связь со стилистикой первой подсистемы не требует доказательств: существует научная дисциплина ее изучающая – стилистика текста (см.: [10, 199]). Связь со стилистикой второй подсистемы, когнитивно-событийной среды, менее очевидна и поэтому требует к себе особого внимания. Прежде всего, необходимо выяснить их причинно-следственные отношения: стиль порождает дискурс или дискурс обладает стилепорождающими возможностями?

Текст обладает рядом хорошо известных категорий: связанностью, информативностью и т.д., в тесном взаимодействии с которыми находится понятие стиля [11]. Однако порождение и функционирование текстов вне социально-культурной среды невозможно. Для этого необходимы определенные экстралингвистические условия при активном участии пресуппозиций, интенций говорящих, языковой личности и энергетики соответствующей картины мира. Иными словами, текстопорождение осуществляется только в определенном дискурсивном пространстве. Будем считать это положение достаточно обоснованным. Однако как «собрать» столь разноплановые категории в единую структуру? Мы исходим из того, что объединить такое многообразие внеязыковых факторов и механизмов собственно текстообразования в единую дискурсивно-функциональную систему позволяет синергетика. Конструктивными когнитивно-коммуникативными точками дискурсообразования служат аттракторы, притягивающие и направляющие все составляющие элементы двух подсистем в единую систему. Примером тому может служить фрагмент

8-й главы романа Д. Рубиной «Воскресная месса в Толедо», где аттрактором является единство внеязыкового и собственно языкового стимулов порождения дискурса. Внеязыковым фактором дискурсообразования здесь выступает «беспокойный и бестолковый ум» Альфонсо, которому не давал покоя археологический комплекс не так давно раскопанных развалин древнего византийского монастыря. Textoобразующим фактором в нем выступает фразеологизм *шевелить мозгами*.

– Я требую от вас интеллектуальных усилий! – вопил Альфонсо на заседаниях коллектива. – **Полега фантазии** – вот чего недостает всем вам! **Шевелите мозгами: шутка ли – в двух шагах от нас такое богатство!** Монастырь пятого века с дивно сохранившейся мозаикой, с огромными водяными цистернами, в которых **Бог знает что** можно устроить! **Шевелите мозгами, хеврэ!**

Кончилось тем, что в один из дней Люсио явился на четверговое заседание в полном облачении хасида, в черной шляпе — как выяснилось, с двойным дном в высокой тулье. Когда на повестке дня вновь замаячил монастырь Мартириус и Альфонсо уже **открыл рот** для очередного призыва *шевелить мозгами*, в черной шляпе, как в шкатулке, откинулась круглая крышка, и изнутри, извиваясь, полезли розово-серые пиявки. При этом карлик сидел с отрешенным видом, не реагируя на восторженно-пугливый визг женщин.

– Смотри, они **шевелиются!** — кричала секретарь Отилия. — Из чего ты сделал этих червяков, дьявол?!

– Это **мозги**, – с невинным выражением на кривой физиономии отвечал Люсио. – Я ими **шевелю...** – поднял руки и жирно, страшно **пошевелил** накладными пальцами в черных перчатках и отвратительными **шевелиющимися** пиявками вывернул губы.

Для выявления аттракторов необходимо обратиться к основным факторам порождения дискурса. Учитывая основные постулаты лингвистики текста, можно предположить, что и стимулами возникновения дискурсивного пространства также выступают интенции, цели и мотивы речемыслительной деятельности. Однако не только они: его создают также внелингвистические условия речемыслительной деятельности и этнокультурные архетипы дискурсообразования, проецируемые национально-языковой картиной мира. А коль так, то названные компоненты речемыслительной деятельности служат своего рода аттракторами – объектами, «притягивающими» их в единую дискурсообразующую систему и определяющими стилистический спектр текстов, возникающих в данном дискурсивном пространстве.

Ограничения же выбора элементов дискурсообразования служат репеллерами (антиаттракторами), выполняющими роль сита, отсеивающего все то, что не отвечает этноязыковой норме. Как известно, аттракторы и репеллеры – понятия синергетики. Они то и позволяют рассматривать дискурс как синергетическую систему.

1. Репеллеры служат отбору и лексико-фразеологических единиц, и грамматических моделей, в процессе которого происходит уплотнение информации (ср.: [12, 274]). Компрессия равноценна выбору денотативных и коннотативных смыслов используемых слов и фразеологизмов (*полет фантазии, шевелить мозгами, шутка ли, в двух шагах, открыть рот и их лексические компоненты в прямом значении*). Аттрактор сжимает информацию путем непрямого именованья, вынуждая тем самым использование метафорических и фразеологических единиц на уровне номинации, на уровне грамматики дискурса и на уровне контекстов. Текст, собственно, и порождается под воздействием соответствующих аттракторов.

Как видим, аттракторы и репеллеры в полном соответствии с интенциями автора, экстралингвистическими условиями и нормами речемышления согласно когнитивно-синергетической теории служат ведущими механизмами дискурсообразования.

Пока остается невыясненным еще один вопрос: насколько образование дискурса согласуется с основным, пожалуй, синергетическим принципом – принципом самоорганизации сложных систем? Ясно одно: самоорганизация дискурса состоит не в том, что он возникает независимо от автора, а в том, что сам автор является одновременно и создателем, творцом дискурса, и орудием независимых от него аттракторов и репеллеров.

2. Сжатие информации, процесс выбора языковых средств происходит при неравновесных состояниях системы. В равновесных состояниях системы дискурс не образуется. Действительно, о каком дискурсе можно говорить при формулировании математических теорем или патентных формул? (см.: [13, 36]). Наоборот, при неравновесных состояниях дискурсной системы активизируются многие механизмы текстообразования: деривационный потенциал и валентность языковых единиц, синтаксическая вариативность, текстообразование и др.

При этом важно отметить, что самоорганизация контекста и текста осуществляется как единое целое, хотя в самоорганизации контекста участвует одна система аттракторов и репеллеров (интенции, нормы и т.п.), а в самоорганизации текста – другая иерархия аттракторов (см.: [14]). При этом важно отметить, что самоорганизация текста связана с самоорганизацией не только всех его категорий, что естественно, но и стиля. Для выяснения взаимодействия процессов дискурсообразования и стиля используем категориальные единицы синергетики и стиля.

Наиболее востребованными для нас являются такие понятия синергетики, как *параметр порядка, быстрый и медленный режим самоорганизации, точки бифуркации и пространство аттракторов*. Что касается стилистических категорий, то, пожалуй, наиболее полемичным остается основополагающее понятие – понятие стиля. Это и «совокупность приемов использования языка! И разновидность языка, характеризующийся особенностями выбора, сочетания и организации языковых средств в связи с задачами общения» [15, 345].

В понимании Пихтовниковой, «стиль как системообразующий и саморазвивающийся фактор представляет собой совокупность разноуровневых языковых средств воплощения социально значимых идей, архитипов, и в ракурсе, специфическом для каждой речевой сферы и каждой речевой социально-исторической среды, выявляется и описывается в виде определенного набора стилистических средств, наиболее адекватных изначальному социальному заказу» [16, 10].

В широком понимании, стиль (это понятие, как известно, используется в музыке, искусстве и др.) служит задаче организации пространственно-временное восприятие, поскольку любой объект искусства существует (чаще всего в виде концептов) в пространстве и времени и даже в нескольких хронопических плоскостях (картины, музыкальное произведение). Такое концептуальное пространство организует, например, монтаж нашумевшего фильма Н. Михалкова «Сибирский цирюльник». В нем ощущается «почерк» мастера, называемого нередко «стилем Михалкова».

Хронопические рамки служат условием существования человеческих чувств и разных психических проявлений (А.М. Мостепаненко). Такими же условиями психических процессов служат и стилистика художественного и публицистического произведения. Можно утверждать, что стиль во многом конструирует концептосферу художественного произведения. Концептуальное и перцептивное в художественном произведении взаимодополняющие категории. Указанное предназначение стиля обуславливает его основные функции: (а) узнаваемость художественного текста и художественных образов; (б) возможность тиражирования художественных объектов по общности их стилистических характеристик (пародии, стилизации и т.п.); (в) классификации произведений по стилю (класс произведений эпохи Возрождения, реалистических или постмодернистических; фольклорных: народные песни, думы, сказания).

В существующих разработках этой проблемы стиль рассматривается в разных аспектах. В статистическом аспекте стиль представляет собой фильтр, при помощи которого происходит отбор соответствующей лексики и фраземики [17]. В этом плане индентификатором стиля служит известный закон Ципфа, служащий средством идентификации индивидуального стиля. В конструктивном аспекте стиль художественного текста отличается структурой использованных в нем стилистических свойств и признаков (Э.Г. Ризель). В психолингвистическом аспекте устойчивый стиль может трансформироваться в архетип [18].

Итак, свойства и функции стиля свидетельствуют о спектре его текстообразующих и дискурсообразующих возможностей. Первые из них раскрыты, в частности, в теории стилевых признаков и композиционных уровней [19]). Композиционные уровни как подсистемы текста представляют в своей совокупности иерархию, компоненты которой взаимно моделируемы. Основой такого моделирования служит принцип обратной связи

и принцип информационной архитектоники (А. Моль) – главное условие самоорганизации дискурса. Особенно значимым для его самоорганизации является способность аттракторов и репеллеров создавать свое собственное иерархическое пространство.

Отбор лексики и фраземики осуществляется благодаря силе притяжения так называемых точек бифуркации. Здесь создается наименее устойчивое и, значит, наиболее динамичное микрополе, именуемое в синергетике *параметром порядка*. Это наиболее благоприятное пространство развертывания дискурса, которое мы называем микрополем динамического дискурсообразования (МДД). Оно позволяет той или иной информации получать в дискурсе *вариативную* репрезентацию. Ср. выбор фразеологизмов в следующем идиоматическом микрополе уже названного выше романа Д. Рубиной: [Эли Куниц] *спросил Таисью – к чему весь этот шум, когда она могла бы все **решить с глазу на глаз** в его кабинете. На что Таисья отвечала, что **сыта по горло** его обещаниями и только воля народа может **сдвинуть с мертвой точки** ее, в сущности, такое простое дело.* Система аттракторов и репеллеров позволяет автору выбрать наиболее адекватный способ выражения мыслей и чувств.

Наиболее подвижными текстообразующими элементами, создающими эпичность дискурса, служат пространственные композиционно-речевые формы. В их состав входят лексика, фраземика, атрибутивные структуры и т.п. Такого рода композиционно-речевые формы являются тем средством, благодаря которому осуществляется порождение эпического текста. МДД имеет замедленный и ускоренный режим самоорганизации, что своеобразно выражается при создании крупных и небольших (с кульминацией) текстов.

При замедленном режиме стиль и композиция текста формируются в процессе тщательного и скрупулезного отбора языковых единиц, их синонимизации, антонимизации, установления адгерентных ассоциативно-смысловых связей с другими текстопорождающими единицами. Аттракторы работают здесь на уточнение и конкретизацию мысли. Возникает множество уточнений и разъяснений, что порождает крупные эпические формы. Примером тому могут служить высокохудожественные тексты Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Ускоренный режим МДД способен создавать неожиданную кульминацию, заострять интригу, придавать необходимую малому жанру экспрессию. Образцами малых жанров могут служить басни И.А. Крылова, тексты для детей К.И. Чуковского, С.Я. Маршака и др. мастеров художественного слова. Кроме них ускоренный режим МДД особенно ярко проявляется в текстах юмористического и детективного жанров.

Механизмы синергетики (аттракторы и репеллеры, МДД), таким образом, служат не только самоорганизации дискурса, но и формируют его стилистический контур.

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурологическая синергетика дискурса // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: Сб. материалов X Международ. научно-практ. конф. Ч. 1. – Иркутск, 2005. – С. 22–27; Алефиренко Н.Ф. Синергетика лингвокультурологии как методологическая проблема // Русское слово в центре Европы: сегодня и завтра: Материалы международной научной конференции русистов стран Центральной и Восточной Европы «Вторые Братиславские встречи» (18–21 мая 2005 г.). – Братислава, 2005а. – С. 75–79.
2. Токарев В.Г. Дискурсивные лики концепта: Монография. – Тула, 2003.
3. Chafe W. Beyond beads on string and branches in a tree // *Conceptual structure, discourse and language*. Stanford, 1996. – P. 49–66.
4. Пихтовникова Л.С. Синергія стилю байки. – Харків: БізнесІнформ, 1999.
5. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН.* – М., 2000. С. 7–25.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: «Гнозис», 2003.
7. Биbihин В.В. Слово и событие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Шевченко И.С. Анализ дискурса и жанристика // *Единство системного и функционального анализа языковых единиц: В 2-х ч.* – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. Вып. 9. Ч. 1. – С. 306–309.
9. Гончарова Е.А. Еще раз о стиле как научном объекте современного языкознания // *Текст – Дискурс – Стиль: Сб. науч. ст.* – СПб., 2003. – С. 9–23.
10. Болотнова Н.С. Основы теории текста. – Томск: Изд-во Том. Гос. пед. ун-та, 1999.
11. Милевская Т.В. Связанность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
12. Манаенко С.А. Дискурсивное употребление лексических единиц и параметры их функционирования // *Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах.* Вып. 3. – Ставрополь–Пятигорск, 2005. – С. 274–283.
13. Пихтовникова Л.С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка // *Нова філологія.* – 2002. – № 1. – Запоріжжя. – С. 33–38.
14. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
15. Розенталь Д.Э и др. *Словарь-справочник лингвистических терминов.* – М.: Просвещение, 1985.
16. Пихтовникова Л.С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка // *Нова філологія.* – 2002. – № 1. – Запоріжжя. – С. 33–38.
17. Пихтовникова Л.С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка...
18. Пихтовникова Л.С. Языковые фильтры: неравновесные состояния и развитие языка...